

Год 2019: «Большая тройка» в череде юбилеев

© 2019

А.С. Давыдов

В статье обобщаются основные итоги взаимоотношений между Россией, Китаем и Соединенными Штатами Америки, достигнутые к нынешнему 2019 году, являющемуся для них «юбилейным» по целому ряду поводов. Предлагаются некоторые рекомендации по упорядочению этих взаимоотношений и улучшению «климата» внутри «большой тройки».

Ключевые слова: Россия, Китай, США, взаимоотношения, баланс сил, баланс интересов.

DOI: 10.31857/S013128120007134-8

Сложилось так, что нынешний 2019 год стал в определенном смысле юбилейным для стран т.н. большой тройки — Китая, России и США.

Для Китая — это год 70-летия КНР, 40-летия установления дипломатических отношений с Соединенными Штатами и, фактически, полувекковая годовщина с начала обюдной инициации американо-китайского сближения, возникшей с приходом в 1969 г. в Белый дом Ричарда Никсона.

Для России 2019 год знаменует не только 70-летие установления дипотношений с Китайской Народной Республикой на следующий день после торжественного провозглашения Мао Цзэдуном ее образования с трибуны на площади Тяньаньмэнь¹, но и 50-летие событий на острове Даманский, обозначивших кульминацию советско-китайского конфликта и пик нагнетания в отношениях двух стран напряженности, грозившей перерасти в широкомасштабную войну между ними.

Для Америки приход полвека назад Р. Никсона во власть связан как с нормализацией отношений с КНР, так, одновременно, и с началом вызревания американо-советской разрядки.

В то же время нынешний год позволяет подвести некоторые итоги взаимоотношений этих стран в двустороннем и трехстороннем форматах почти за два десятилетия XXI века, первым из которых стало произошедшее у них **избавление от иллюзий**.

Китаю пришлось осознать, что его геополитическое и технологическое возвышение, в отличие от экономического, воспринятого Америкой относительно спокойно и сдержанно, вызвало у нее активное неприятие и осложняет не только двусторонние отношения США и КНР, но и ситуацию в мире в целом.

В США внутренне прониклись пониманием того, что шансы Америки на сохранение и консервацию однополярного мира вовсе не так велики и бесспорны, как ей казалось еще десять лет назад. Поэтому необходимо обновление не только тактики, но и стратегии.

Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: davydov@ifes-ras.ru.

А у российской политэлиты, хотя не у всей, наступило прозрение, что одного лишь «ветра с Востока, пойманного Россией в ее паруса» явно недостаточно для решения стоящих перед страной задач. А потому начала рушиться иллюзия веры в то, что с Китаем у нас «единый путь и общие цели», и стоит лишь соединиться с ним союзными узами или, на худой конец, еще больше упрочить партнерские связи, это принесет якобы «скорые и обильные плоды».

Хотя российско-китайские отношения признаются сегодня «наилучшими за все предшествующие годы», это не совсем справедливо, если оценивать их состояние не только в новом XXI столетии, но на протяжении всей второй половины XX века, включая советский период, поскольку нынешняя Россия объявила себя правопреемницей СССР.

Самыми хорошими отношения двух стран выглядели в годы т.н. великой дружбы в первой половине 1950-х, когда повсеместно и в СССР, и в КНР в обиходе звучал лозунг «Русский с китайцем — братья навек!». Но дружба эта для обеих стран отсвечивала оттенком некой корысти: Китай был заинтересован в восстановлении страны с помощью советских специалистов и льготных кредитов, а СССР — в самом многонаселенном в мире союзнике с неограниченной и дармовой рабочей силой.

После смерти Сталина у «братьев» возник негласный спор: кто возглавит сформировавшийся к тому времени «лагерь социализма»? Ни Хрущев, ни Мао уступать друг другу не захотели. Дальнейшее известно: союз распался, и пути двух стран надолго разошлись.

До определенного момента каждая из них развивалась по-своему, но обе — на рельсах плановой экономики. Однако когда и в СССР, и в КНР ее лимиты себя исчерпали и появилась потребность перехода к рынку или хотя бы к сочетанию плановых и рыночных начал, стороны избрали разные подходы к решению возникших проблем: Китай дальновидно и решительно пошел на отделение экономики от идеологии, а точнее, стал трактовать коммунистическую идею так, что она перестала быть препятствием на пути задуманных им реформ и стала способствовать их осуществлению.

В СССР добиться такого не удалось, и в результате в то время, когда КНР погрузилась в процесс реального экономического строительства, в Советском Союзе, а после его распада — в России, те, кто нарек себя «молодыми реформаторами», занялись не восстановлением хозяйства страны, а погрязли исключительно в идеологическом шаманстве. Главной их целью был не выход из экономического тупика, а «декоммунизация — любой ценой», даже за счет обнищания российского населения, в чем они откровенно признавались впоследствии. Это привело к печальным итогам, включая тотальный крах ельцинского режима.

Все эти обстоятельства, как и историческую хронику взаимоотношений двух стран, следует учитывать сегодня, когда все чаще слышатся разговоры о необходимости воссоздания российско-китайского союза, которые в России инициируются представителями определенных слоев и структур (в основном, силовых), туманно представляющими особенности, нюансы и геополитические последствия подобного шага. В КНР они вызывают в разных кругах неоднозначное отношение: негативное у бизнеса и одобрителное в военной сфере.

Хотя прагматизм и здоровый цинизм сами по себе не являются предосудительными при проведении государством его внешней политики, недопустимо, когда они посягают на предательство прежних интересов и обязательств, нарушению достигнутых прежде договоренностей. Так, при налаживании китайско-американских связей, перейдя от враждебности к сближению с Вашингтоном, Пекин проделал обратную эволюцию в отношениях с Москвой.

В результате Китай твердо встал на путь «баланса сил», знакомый ему еще с древних времен, когда в противостоянии с более сильными соперниками часто приходи-

лось сталкивать их друг с другом. Выиграв от советско-американского противоборства, Пекин зарекся в дальнейшем от вступления с кем-либо в договорные союзы и коалиции.

Кроме того, созданию российско-китайского союза ныне препятствует целый ряд факторов, среди которых:

а) политические разногласия и несовпадения во мнениях между РФ и КНР по целому ряду вопросов²;

б) отличия в нюансах конкретных политических целей сторон при общих совпадениях в стратегиях, тактиках и видении путей развития;

в) сохранение (еще с царских времен) у Китая территориальных претензий к России;

г) распространение мифов о тех или иных «совместимостях» в экономиках обеих стран;

д) существенные различия в национальных психотипах населения двух государств, которые накладывают свой отпечаток на позицию и поведение каждого из них.

Все это ставит под вопрос идею создания прочного и долговременного союза между нашими странами. Ряд аналитиков считают ключевым фактором активизации связей и сотрудничества между Пекином и Москвой существование общего противника в лице США.

Примечательно, однако, то, что от КНР Россия имеет гораздо больше политических комплиментов и авансов, нежели реальных экономических дивидендов. Доля РФ составляет всего 1,9% в объеме китайского экспорта, а доля Китая — лишь 2,8% в российском. Порою складывается впечатление, что Китай видит в ней, в первую очередь, даже не экономического или политического партнера, а некую контрсилу, способную вместе с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

В то же время Китай, похоже, не считает исключительно приоритетным для себя цементирование отношений с Россией, которую рассматривает скорее как «младшего партнера», остерегаясь, в том числе, дальнейшего обострения отношений с США.

При этом известен ключевой принцип, принятый на вооружение руководством КНР — «не класть все яйца в одну корзину». Запад необходим ему как главный экономический партнер, источник инноваций и технологических прорывов. Поэтому нет никаких гарантий, что Китай из конъюнктурных побуждений не сменит в определенный момент свой курс на полностью противоположный. Тем более, что он уже прочно занял позицию второй державы мира. Обострение его отношений с первой мировой державой — Соединенными Штатами — особенно резко обозначилось в середине прошлого года и пока сохраняется, приняв вид «торговой войны».

История взаимоотношений КНР и США характеризуется зигзагообразной цикличностью. Они прошли долгий и извилистый путь от нормализации двухсторонних отношений при Никсоне и Мао через «стратегическое сближение» на антисоветской почве при Картере, «упорядочение дружбы» и установление приоритета экономических связей перед политическими при Рейгане вплоть до попыток встраивания КНР накануне, в момент и после распада биполярной системы мироустройства в контролируемый Америкой геополитический каркас в форматах «двойки», «кимерики», «ответственного акционера» или в иных подобных видах при Бушах и Клинтоне. Вовлекая при этом Китай в экономическое взаимодействие, США, похоже, не желали или отказывались предвидеть, что оно обеспечивает ему не только рост экономики, но одновременно политическое становление и укрепление.

Предтечей нынешнего противостояния стало постепенно копившееся недовольство Америки глобальным поведением Китая. Еще в 2000-е годы в Пентагоне заметили, что военные расходы КНР опережают рост ее ВВП, и усмотрели в усилении боевой мощи Китая «ускорение подготовки почвы для объявления вызова США».

Сменивший в Белом доме Дж. Буша-младшего Б. Обама заподозрил КНР, уже опередившую Штаты по некоторым позициям в мировой иерархии, в краже передовых американских технологий за счет ухищрений Пекина при инвестировании американских компаний в проекты на китайском рынке. При нем Китай активизировал участие в глобальном управлении, распространив его с экономики на сферу безопасности и заявив тем самым о своих притязаниях на роль одного из мировых лидеров.

Мысль о такой возможности была недопустима не только для Обамы, пытавшегося воспрепятствовать укреплению китайских позиций в АТР, но оказалась неприемлемой и для сменившего его Трампа, несмотря на притворную благосклонность последнего к инициативам КНР о расширении сотрудничества со странами региона. Доминирование Китая в нем при любом американском президенте для США категорически исключено: потеря тихоокеанской Азии означает для них утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент глобального американского лидерства.

Активизация американо-китайского соперничества, заявленная миру в форме «торговой войны», безусловно, имеет и финансово-экономическую подоплеку, но не только. Истоки его коренятся в целом комплексе причин, одной из которых, на наш взгляд, стал, в том числе, разный подход у США и Китая к процессу глобализации.

Для Америки цель его заключалась в окончательном утверждении господства крупных международных монополий и тотальном подчинении им мировых хозяйственных связей. Китаю же он мыслился как гармоничное встраивание собственного «третьего», пролегающего между капитализмом и социализмом пути в международную экономическую кооперацию.

США, со своей стороны, самоуверенно полагали, что смогут через инструменты глобализации «привести весь мир, и в первую очередь Китай» к вожаемой ими самими системе политической демократии, а это по существу окончательно подтвердило бы воцарение на Земле однополюсного мира с Америкой во главе.

Однако благодаря целому ряду факторов, в том числе, переизбытку и дешевизне производственно-демографических ресурсов, КНР «перехватила» инициативу, а в конечном счете и глобализационные рычаги, постепенно оттеснив Штаты с главенствующих позиций. Результатом этого стало возобладание в США антиглобалистских тенденций, начало которому задал Дональд Трамп.

Очевидно, разрушение некогда неоспоримых надежд на монополярность и разочарование в глобализации, поначалу представлявшейся Америке эффективным средством для ее установления, явились для нее той «крайней чертой», отступить дальше которой она не сочла себя вправе.

Хотя известно, что и в Конгрессе, и в Администрации президента имеются существенные расхождения по проблемам китайской политики, внутри стратегического сообщества США еще с момента нормализации в 1972 г. отношений с Пекином продолжает сохраняться общая идеологическая нетерпимость к нему. А стратегические цели политики Вашингтона в отношении КНР направлены на стимулирование в ней внутренних противоречий, замену политического строя и утверждение там в конечном итоге благоприятного для США режима.

Таким образом, объявленная Соединенными Штатами Китаю «торговая война» может условно считаться «первой фазой» более серьезного противоборства двух стран — войны политико-идеологической. В качестве доказательного аргумента следует обратить внимание, что дефицит у США в торговле с Китаем, по крайней мере, в нынешнем веке, существовал постоянно и никого прежде особенно не беспокоил. Гораздо пристальнее Штаты наблюдали за выдвиганием руководителями КНР последовательной серии нестандартных новаций и инициатив, которые могли расцениваться ими скорее как политические.

Начиная с введения в социалистическом Китае основ рыночной экономики и провозглашения в связи с присоединением к КНР Гонконга и Макао системы организации государственного устройства на основе принципа «одна страна — два строя», вплоть до глобального распространения «институтов Конфуция» и предложений Пекина о реализации проекта «пояса и путей» или «строительстве сообщества единой судьбы» — все эти шаги представляются Америке и остальному миру не во всем обычными и не совсем понятным в сравнении с тривиальными схемами конфронтационного мироустройства в предшествовавший нынешнему период биполярности. Возникает вопрос: кому в результате все это выгодно и к чему приведет?

Проблема еще и в том, что новации и инициативы, предлагаемые страной, уже превратившейся по существу в мировую державу, и опирающейся издавна в идеологии, политике и дипломатии на стратегию «глобального величия», никак не состыкуются с концепцией «собственного величия», проповедуемой другой мировой державой, не знавшей ранее ни в чем конкуренции.

Неудивительно, что Трамп, пришедший в большую политику из большого бизнеса, начал свой путь в ней с корректировки мировой торговой системы и, в первую очередь, с упорядочения отношений в этой сфере с Китаем. Однако в конечном итоге США не так опасаются, что КНР возобладает экономически, сколько не желают, чтобы реализуемый ею «авторитарный капитализм» взял верх над американским «демократическим капитализмом». А это уже не экономическая, а идеологическая конфронтация.

В «торговой войне» с Китаем, используя торгово-экономический нажим, Америка пытается опосредованно «выжать» из КНР не только финансовые, но политические, стратегические и даже военные уступки. Те из них, на которые Пекин согласен, свидетельствуют о его нежелании или неготовности (пока!) брать на себя роль абсолютного мирового лидера. Но это вовсе не значит, что он не будет претендовать на нее в будущем.

Как отмечал один из представителей внешнеполитического ведомства КНР, «китайский народ всегда исполняет то, о чем говорит», а «китайцы всегда подчеркивают, что верны своему слову»³. Это резюме универсально применимо ко всем официальным заявлениям Китая, тем более, исходящим от его руководства.

И если в середине XIX века Среднее государство потеряло статус «центра Вселенной», было низведено до уровня «большого человека Азии» и закабалено империалистическими державами⁴, включая США, то можно быть уверенным, что его наследники не забыли об этом и наверняка будут стремиться вернуть утраченное. Недаром Председатель Си, говоря о реализации к середине XXI века «мечты о великом возрождении китайской нации», пообещал миру обеспечить «глобальное лидерство с китайской спецификой».

Таким образом, «схлест» между Си и Трампом можно объяснять озабоченностью каждого из лидеров проблемой величия руководимого им государства, которая создает основу для потенциального конфликта интересов. Реальный же конфликт может вспыхнуть, после того как совокупная мощь КНР достигнет соответствующих и достаточных для противоборства параметров.

Продвижению Китая в этом направлении отчасти помог последний экономический кризис, ослабивший его соперников — США и остальной западный мир. Но пока для Америки КНР — соперник, прежде всего, экономический и технологический, но не военный: ее боевой арсенал слабее американского; военно-морской флот, несмотря на гигантские усилия по его модернизации, все еще уступает ВМС США; рост геополитического влияния заметен, но оно несопоставимо пока с американским по комплексной силе стран, находящихся «под пятой США» или в союзных отношениях с ними, в которые Китай, как известно, принципиально ни с кем не вступает.

Исходя из известного афоризма, что «владеющий морями владеет миром», можно уверенно утверждать, что пока Китай, остающийся преимущественно сухопутной

державой, не обретет одновременно и статуса морской, составить реальную геополитическую конкуренцию Соединенным Штатам ему будет непросто. И позиционируемая КНР «образцовая модель мироустройства» не станет глобальной, а будет иметь локальный или, в лучшем случае, региональный характер.

Неудивительно поэтому, что своим главным стратегическим и военным соперником, согласно последним опросам, США до сих пор считают не экономически мощный Китай, а более слабую в экономике, но сильную на морских и океанских просторах Россию. Это объясняет и то, почему КНР стремится к взаимодействию с ней в арктических широтах. Во что выльется соперничество в АТР «морских держав-союзниц» США и Японии с не состоящими в альянсе «сухопутно-морской» Россией и все еще «сухопутным» Китаем? Ответ даст только будущее.

Несмотря на обострившиеся торговые отношения, экономически США и Китай остаются взаимно полезными друг для друга. Америка зависит от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай в свою очередь зависит от сохранения способности потребителей в США покупать эти китайские товары, а также от современных американских технологий в некоторых ключевых для экономики КНР областях.

Недавние заявления сторон, оставлявшие надежду на урегулирование возникшего кризиса, робко усиливали веру в то, что конфликт преодолим и достичь компромисса удастся. Так, признаки «углубления кризиса», характеризующиеся сокращением инвестиций Пекина в госдолг США с 1,3 трлн долл. в 2013 г. до 1,12 трлн долл. в 2018 г.⁵, позднее, в определенный момент, сменились постепенной активизацией процесса возвращения производств из США обратно в Китай.

По большому счету, главное связано со взаимоотношениями в политической сфере: если они и дальше будут сворачиваться — обострения противостояния на других направлениях не избежать. Однако, если будут найдены обоюдные компромиссы и обговорены уступки, которые пойдут на пользу сохранению и возможному улучшению двустороннего климата, факторы взаимного притяжения неизбежно сработают на восстановление порушенных связей.

Какие результирующие выводы напрашиваются по итогам почти полувековой нормализации и 40 лет официальных дипломатических связей между КНР и США?

1. Несмотря на негативный «откат», произошедший за последний год в отношениях двух стран, им удалось пока сохранить «нащупанную ранее» парадигму взаимного поведения, удерживающую от переходов граней допустимого по отношению друг к другу, которая может, и в перспективе должна, стать основой продолжения их взаимодействия в будущем.

2. Хотя однополярный мир под эгидой США неприемлем для Китая, обеим странам свойственны укоренившиеся в национальном менталитете их народов постулаты об исключительной предопределенности особой роли каждой из них в мировой цивилизации.

3. Поскольку экономики обеих стран тесно переплетены, лучшим стимулом для конструктивности их диалога являются обоюдная выгода и взаимная боязнь ущерба в случае продолжения ухудшения взаимоотношений.

4. В то же время между КНР и США сохраняются серьезные разногласия, которые не позволят им создать политический альянс. Противоречия затрагивают политику, экономику, торговлю, экологию, военную и гуманитарную области, подходы к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем.

5. Быстрый экономический рост заставляет КНР искать дополнительные источники технологических инноваций, ресурсов, инвестиций и одновременно защищать свои интересы на этом поприще за счет военного усиления⁶. Вопрос в том, чтобы это усиление не переходило грань, которая отделяет необходимую и достаточную способ-

ность к самообороне от готовности к внешней экспансии и участию в открытом военном конфликте.

6. Хочется надеяться также, что такие фундаментальные и трудно устранимые противоречия между США и КНР, как идеологические различия, расхождения по проблемам демократии, прав человека, соперничество в сфере потребления ресурсов и ряде других областей, не станут причинами острой конфронтации, провоцирующей между ними подобный конфликт.

7. Главным взрывоопасным противоречием между двумя странами по сей день остается тайваньская проблема, поиск решения которой неизбежен, но должен вестись исключительно осторожно и деликатно с учетом не только интересов КНР и США, острова и материка, но исходя из общих геополитических интересов сохранения и укрепления безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР.

8. То же самое относится к ситуации на Корейском полуострове. Действуя поначалу методом грубого нажима и «наскока», Трамп быстро осознал, что он неэффективен, и без согласования с КНР дело не сдвинется с мертвой точки. При поиске решения корейской проблемы конечной целью должна стать не просто денуклеаризация Северной Кореи, а достижение национального согласия на объединение и создание единого корейского государства. Только на основе объединения КНДР и РК и воссоединения Тайваня с материковым Китаем мир и безопасность в Восточной Азии могут быть обеспечены безоговорочно. Поэтому оба объединительных процесса целесообразно и предпочтительно запускать одновременно, причем с возможным использованием изобретенной и уже апробированной Китаем схемы «одно государство — два строя».

Если отношения между Россией и КНР признаются ныне наилучшими, по крайней мере, за последние 25–30 лет, то российско-американские отношения следует признать наихудшими чуть ли не за всю их историю.

Казалось бы, что мешает теперь, когда идеологическое противоборство над нами больше не довлеет, сохранять и поддерживать дружественные и конструктивные связи с Америкой? Но все совсем не так просто!

Сразу после распада СССР в начале 1990-х годов непримиримый русофоб З. Бжезинский убедил американское руководство в том, что победу в холодной войне необходимо закрепить, «лишив новую Россию иллюзии ее великодержавности». Он посчитал, что «она должна быть раздробленной и находиться под опекой».

В таких «рекомендациях» отчасти виноваты сами бывшие советские и российские руководители. Граничившая с недалекостью, а порою с глупостью, человеческая доверчивость и необъяснимая для политика вера Горбачева в искренность западных партнеров, в совокупности с «куриной слепотой» вечно «больного» Ельцина, способствовали появлению у США и их союзников убежденности в том, что «в самой большой стране мира, обладающей паритетным Америке ядерным арсеналом, очень слабое руководство, которое нуждается в кураторах и подпорках».

Одной из целей такой «заботы», как оказалось впоследствии, было стремление США использовать Россию как резервуар для покрытия собственного госдолга за счет выкачивания и использования ее ресурсов в интересах американского бизнеса.

Приход на пост президента России В. Путина порушил американские планы «опеки» над ней и сделал «рекомендации Бжезинского» невыполнимыми. Ликвидация сепаратизма в Чечне и ряд реформ в сфере государственного управления воспрепятствовали раздробленности страны. А мюнхенская речь, произнесенная новым российским лидером в 2007 г., лишила Запад последней надежды на то, что Россия ему подчинится. Именно за это нам и мстят сегодня санкциями, бойкотами и тому подобными акциями.

Последующие шаги В. Путина и вовсе заставили США и ЕС если не смириться, то свыкнуться с парадоксальным феноменом, когда руководитель пусть сильно в военном отношении державы, но весьма средней по современным экономическим мер-

кам страны, уступающей в технологическом и инновационном развитии ведущим мировым гигантам — США, КНР, Западной Европе и Японии, вынуждает мир постоянно оглядываться на Россию, отслеживать и оценивать ее действия и незамедлительно на них реагировать.

Экономическую «незначительность» России для США «перевесила» ее военно-стратегическая значимость. Хотя при этом РФ находится не в самом благоприятном геополитическом положении по сравнению с Америкой, которая вкупе с НАТО функционально и структурно превосходит более слабые и достаточно аморфные образования — ОДКБ, ШОС, БРИКС, РИК и ЕАЭС, — в состав которых Россия входит. Но эти недостатки и слабости она стремится компенсировать неукротимым желанием преодолеть ограничения, наложенные ее региональным статусом, и, подобно Китаю, занять место полноценной глобальной державы.

В некоторых отношениях ей это удастся: благодаря операции в Сирии значительно укрепились позиции РФ на Ближнем Востоке; взаимодействие с официальными властями Венесуэлы позволило через экономические интересы усилить влияние в части южноамериканского континента. Немного окрепли связи с Европой, которая, находясь под политической «пятой» США, серьезно разьединена экономически: хотя часть стран Евросоюза по-прежнему ратует за строгое соблюдение антироссийских санкций, другие, во главе с Германией и Чехией, выступают за их смягчение и расширение европейско-российских экономических связей.

После «реабилитации» Д. Трампа комиссией Мюллера, не нашедшей признаков его сговора с Россией в целях достижения победы на президентских выборах 2016 года, наместились малозаметные позитивные подвижки в его позиции по отношению к ней, однако во что это выльется, пока неясно.

Ясно одно — российско-американские отношения на данный момент находятся в тупике, и вывести из него способны только шаги сторон навстречу друг другу, предполагающие взаимные уступки и компромиссы, на которые внешнеполитические ведомства обоих государств, судя по некоторым признакам, пока не могут или не хотят решиться. Что касается российской стороны, то при отсутствии у нее преимуществ в силах и средствах ей для таких шагов в любом случае необходимы новые идеи.

Одна из них могла бы сформироваться вокруг озвученной недавно на юбилейной встрече представителей России и Китая в Москве мысли о целесообразности проведения форума по проблемам мирососедства и обновления мироустройства. Поскольку без США подобное мероприятие рискует превратиться в пустопорожние восхваления преимуществ многополярного мира и грезы о нем, необходимо участие в таком форуме всех представителей «большой тройки», несущих равную ответственность за существующий миропорядок. Сопричастность трех ведущих мировых держав к действиям, связанным с его корректировкой — неременное условие продвижения к искомому результату на пути взаимных уступок и компромиссов.

В развернувшейся «перекройке мира» каждая из сторон, естественно, отстаивает, прежде всего, собственные интересы. Вернув Крым, Россия остановила поползновения НАТО к господству на Черном море, а расширением присутствия в Азии стремится, наряду с западным, укрепить одновременно свой восточный фланг. КНР расширяет влияние в АТР через усиление позиций в Южно-Китайском море.

Все это ущемляет интересы и сужает сферы господства США и остального Запада. Поэтому раздуваемая ими «геополитическая буря», в центре которой находятся Россия, Китай и ряд других стран, не успокоится сама по себе. Отсюда следует, что главным и определяющим в продвижении к обновленному мироустройству может стать осознание необходимости его формирования на основе сотрудничества, а не конфронтации, путем замены принципа баланса сил принципом выверенного баланса согласованных интересов.

На первый взгляд это представляется фантазией или прожектерством, но является тем идеалом налаживания взаимоотношений в «тройке», к которому она должна стремиться. Лишь после него отпадут поводы для обоюдных санкций и контрсанкций и исчезнет сама необходимость заключений и перезаключений разнообразных договоров, которые достигаются с большим скрипом.

Именно определению указанного баланса и следует посвятить предложенный форум, тем более с учетом того, что ни один из прогнозируемых в качестве реального вариантов будущего обустройства АТР — региона, где пересекаются интересы трех стран — не удовлетворяет всех одинаково.

А пока уроки балансирования преподносит своей политикой Дональд Трамп, не оставляющий попыток отдалить Россию от Китая. Как только «сговор с русскими» в ходе его избирательной кампании официально не подтвердился, он, уже почти согласившийся на перемирие в «торговой войне» с КНР, вновь усилил нажим на китайскую сторону, взвинтив в очередной раз таможенные пошлины на ее товары.

В то же время России был сделан намек на возможность улучшения климата в отношениях с США. Похоже, Трамп был бы не прочь заручиться нашим нейтралитетом в его торговой битве с Китаем. Понимает ли он, однако, что пытаясь разъединить Китай и Россию, фактически способствует еще более тесному их сближению — тому самому, о котором 29 января 2019 г. президента США предупреждали в своем отчете представители национальных разведывательных служб⁷?

Первым, и пока единственным, из недавних американских президентов Трамп ввел в обиход собственные «технологии» общения с диктаторами и авторитарными лидерами стран-соперниц Америки, которые особенно ярко проявились в его взаимоотношениях с Ким Чен Ыном и Си Цзиньпином. Отчасти он практиковал их и в отношении Путина.

По разумению Трампа, видимость налаживания им теплых и дружеских личных контактов с руководителями этих государств, наряду с одновременными недружественными акциями в адрес стран, которые они представляют, вынуждает последних не переступать определенные рамки, воздерживаясь от резких выпадов в адрес США.

Однако подобная тактика едва ли принесет американскому лидеру какую-то выгоду. Только полновесный, целенаправленный и откровенный диалог с каждым из них в отдельности или в коллективном формате, а не встречи «на ходу» от случая к случаю, может гарантировать повышение уровня взаимного доверия и упрочение взаимодействия, необходимые для преодоления остро стоящих проблем.

Что касается России, то в нынешней ситуации главное для нее — при улучшении отношений с Америкой не ослаблять связей с Пекином, не превращаясь в то же время в его «младшую сестру», в отличие от 1950-х годов, когда «младшим братом» СССР именовал себя тогдашний Китай.

Как добиться этого с двумя процентами мирового ВВП против 24% у США и 16% у Китая? Среди ответов на этот вопрос выделяются следующие **рекомендации для России**: а) сузить горизонт внешнеполитических амбиций, сосредоточившись на внутренних проблемах в целях восстановления экономического роста; б) «вернуться в Европу», воспользовавшись меняющейся обстановкой в ней и ростом пророссийских настроений в ряде европейских стран⁸.

Альтернативной им может стать рекомендация о безудержном наращивании Россией ее военного потенциала в случае восприятия ею одной или обеих упомянутых стран в качестве врагов — явных или скрытых. Но с учетом прошлого опыта бывшего СССР, для России — это путь, ведущий в тупик.

1. Под «российско-китайскими отношениями» автор подразумевает двусторонние отношения СССР/РФ — КНР с 1 октября 1949 года.
2. См.: *Давыдов А.С.* КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 4. С. 10.
3. URL: <http://unionnews.ru/2019/07/17/knr-vvedet-sankcii-protiv-amerikanskich-postavshchikov-oruzhiya>.
4. *Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. / М.Л. Титаренко [и др.]. Т. 4. Историческая мысль, политическая и правовая культура*. М.: Восточная литература, 2009. С. 166.
5. По данным на конец 2018 года, КНР владела 28% американского госдолга, Япония — 25,7% (1,03 трлн долл.), Бразилия — 7,6% (303 млрд долл.), Ирландия — 7% (280 млрд долл.) и Великобритания — 6,8% (273 млрд долл.).
6. Содержанием второго этапа принятой в 2006 г. Программы модернизации национальной обороны КНР на 2010–2020 гг. являются, в том числе, «информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск».
7. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190207/244529870.html>.
8. *Аргументы и факты*. 2019. № 29. С. 9.